
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

В. А. КОВАЛЕВ

ДВЕ СТОРОНЫ ИНФЕРНО. УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЕФРЕМОВА (статья первая)

Современная трактовка произведений Ивана Ефремова неизбежно отличается от интерпретаций, господствовавших в то время, когда эти романы были написаны. В частности, коммунистическую утопию с антикоммунистических позиций вполне можно трактовать как тоталитарную дистопию. Изменилась и оценка возможностей освоения космоса. Автор обращает особое внимание на связь утопии и антиутопии в творчестве И. А. Ефремова.

Ключевые слова: фантастика, футурология, утопия и дистопия, тоталитаризм, Иван Ефремов, освоение космоса, прогноз катастрофы, перспективы цивилизации, инферно, *Utopian Studies*.

Срок, отпущенный коммунистической идее, зависит от скорости, с какой она исчерпает свои утопические запасы.

Э. М. Чоран

Исследования (анти)утопий в нашей стране вновь становятся все более популярным научным трендом. Учитывая зигзаги и перипетии отечественной истории, это неудивительно. Например, современная исследовательница Ирина Каспэ через призму утопии рассматривает «смысловые рубежи» последних десятилетий существования СССР (Каспэ 2018), и библиография на эту тему стремительно пополняется. Несомненно и то, что люди в различных социумах не могут жить без утопий. Как отмечала знаменитая исследовательница утопий и дистопий Виктория Чаликова, «утопизм – универсальный феномен, и ни одно историческое общество не су-

ществовало без той или иной формы утопии» (Чаликова 1992: 22–23). То, что традиции *Utopian Studies* после некоторого забвения вновь становятся популярными, можно воспринимать с удовлетворением исследователя. Однако мы усматриваем в этом, учитывая конкретные исторические и социально-политические обстоятельства, и некий тревожный момент. Несмотря на научную изощренность и применение ряда популярных теорий и модных научных концептов, создается впечатление, что мы пишем, находясь примерно в той же ситуации, что В. Чаликова (1991), Л. Геллер (1985) и другие исследователи и критики утопического сознания, а также условий, его порождающих. В советский период авторы, пишущие об утопии, в своем творчестве вынуждены были реагировать на эти условия: авторитаризм, несвободу, двоемыслие, навязывание пропагандистских мифов, представление о силе бюрократических решений и т. п. Иначе говоря, не сбылись надежды многих отечественных интеллектуалов, общественных деятелей и прочих на то, что удастся со смехом освободиться от нашего страшного прошлого, от сбывшейся тоталитарной утопии, инфантилизма массового сознания, популярности левизны и т. д. Изучение вновь оживающей коммунистической утопии в этом контексте становится не только задачей увлекательного исторического исследования, но и актуальной темой сегодняшнего дня.

В связи с этими обстоятельствами очень большое значение имеет фигура выдающегося советского ученого и фантаста Ивана Антоновича Ефремова (1908–1972), ученого, геолога и палеонтолога, создателя новой научной дисциплины тафономии, автора популярных приключенческих романов и рассказов, а также фантастических романов о далеком коммунистическом будущем и античном прошлом. Автор этих строк, с детства увлеченный книгами Ефремова, уже обращался к социально-политическим и идеологическим проблемам его творчества (Ковалев 2019: 104–118). И на этом пути он не одинок. В Рунете кипят настоящие баталии по поводу того или иного аспекта ефремовского наследия, создаются специализированные ресурсы, посвященные фантасту (к некоторым из этих материалов мы обратимся ниже); в 2013 г. в популярной, но крайне неровной по качеству книг серии ЖЗЛ вышла биография Ивана Ефремова (Еремина, Смирнов 2013). Вызвав весьма неоднозначную реакцию, эта книга тем не менее была выпущена вскоре и вто-

рым изданием. Помимо поклонников, энтузиастов и дилетантов пишут о Ефреме и ученые разных специальностей, причем, кроме филологов, творчество писателя привлекает внимание и обществоведов. На наш взгляд, такая реакция даже немного запоздала и является недостаточной. Ведь И. А. Ефремов был одним из немногих оригинальных мыслителей советской эпохи, которому удалось легально и более или менее полно выразить свои взгляды, значительно выходящие за пределы существовавших тогда идеологических рамок. То, что его идеи были выражены в художественной форме, тоже неудивительно, ведь большинство утопий были написаны в жанре утопических романов. (Вопрос об их художественных достоинствах и недостатках – это не наша тема, заметим только, что вопреки мнению злопыхателей о «схематизме» и «безжизненности» ефремовских персонажей вряд ли его книги приобрели бы такую популярность, если бы были скучными.) Разумеется, по сравнению с пиком популярности Ефремова в позднесоветские десятилетия, сегодня его читательская аудитория значительно уменьшилась, «пришли иные времена», заметно, на порядки, увеличилось предложение литературы в жанре фантастики, а аудитория, читающая толстые книги, значительно сократилась. Но при этом книги Ефремова постоянно переиздаются и читаются, появляются работы о его творчестве. Помимо новой биографии писателя и главы в исследовании И. Каспэ (2018: 161–182; она также опубликовала ряд статей о творчестве Ефремова), появилась специальная монография казанского исследователя С. А. Сергеева «Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX в.» (Сергеев 2019), где наконец-то дан профессиональный и систематический разбор социально-политических и философских воззрений писателя. (Эта монография была награждена дипломом Российской ассоциации политической науки, а данная статья является в какой-то степени реакцией на исследование С. А. Сергеева.) Итак, чем же вызваны интерес и желание дискутировать о творчестве писателя, числящегося вроде бы по разряду детско-юношеского чтения, но продолжающего своими текстами провоцировать социально-политические и научно-философские дискуссии?

Инферно или коммунизм

«Огромное население без ускоренного прогресса быстро истощит ресурсы планеты, ухудшит условия жизни, еще ослабит прогресс», – говорит героиня романа И. А. Ефремова «Час быка» (Ефремов 1970: 34). К природным катаклизмам добавляются факторы социально-психологические, когда преобладает зловещее невежество и люди с наиболее отвратительными моральными качествами ведут к катастрофе глупые и покорные массы. Все это нам хорошо знакомо, сюжет многократно повторялся в истории, и нечто подобное описал Иван Ефремов в своем знаменитом фантастическом произведении.

Традиционный взгляд на творчество Ефремова привычно относит два его главных фантастических романа «Туманность Андромеды» (1957) и «Час Быка» (1968) к полюсам соответственно утопии и антиутопии. Если в «Туманности» рисуются впечатляющие картины светлого коммунистического будущего, то «Час Быка» посвящен экспедиции землян эпохи ЭВР (Эры Встретившихся Рук) на планету Торманс, где потомки людей, улетевших в свое время с Земли, прозябают в условиях жестких ресурсных ограничений и под пятой олигархической диктатуры. Это – состояние «инферно». Данное слово означает «ад», но писатель предпочитает другой термин, вероятно, для того, чтобы избежать потусторонних ассоциаций и подчеркнуть ужасное состояние дел на реальной Земле, отображенной в виде фантастического Торманса. Сам Ефремов в свойственной ему манере прямо в тексте своих фантастических книг ведет непосредственную дискуссию с другими «реальными» авторами; выдуманные герои его романов обращаются к текстам Эры Разобщенного Мира. Так, название планеты Торманс заимствуется из мистико-фантастического романа Артура Линдсея «Путешествие к Арктуру» (1920). Если вспомнить его содержание, то у английского писателя «хрустальная торпеда» доставляет героев в необычный мир, где им придется столкнуться с рядом удивительных и пугающих метаморфоз. «Торманс» означает «страдание».

В свое время было сломано немало копий (и эти дискуссии ведутся до сих пор) по вопросу о том, что имел в виду советский фантаст № 1, рисуя образы планетарного ада. Является ли Торманс собирательным образом с чертами американского «гангстерского

капитализма» и «муравьиного лжесоциализма» времен маоистской «культурной революции» в Китае или же в «Часе Быка» зашифрована критика советской действительности, причем в отношении как низов, так и верхов. Именно такие подозрения, возникшие в воображении некоторых представителей советской партократии и тайной полиции, привели к тому, что почти до конца советского периода роман был фактически запрещен и о его переиздании не могло быть и речи. Насколько велико было критическое отношение Ефремова к советской действительности и как далеко пошел бы он в критике коммунизма, если бы не стал жертвой смертельной болезни, – это большой и дискуссионный вопрос, но творчество писателя и спустя полвека дает простор для множества предположений и интерпретаций о соотношении утопии и антиутопии в ефремовском творчестве. Понятия утопии и дистопии (антиутопии) в данной работе осознанно не подвергаются специальному анализу и используются в их наиболее широко распространенных трактовках – как образ недостижимого прекрасного и гармоничного мира и его противоположности.

Отношение Ивана Ефремова к советской власти и политическому режиму в СССР – это вопрос сложный и неоднозначный. Крайне интересна проблема утопического наполнения советских культурных практик, особенно последних десятилетий «строительства коммунизма»; эти сюжеты разбираются, в частности, в ранее процитированной работе (Каспэ 2018: 183–205). Отношение к коммунизму – это вопрос не только исторический. Он сохраняет мировоззренческую актуальность и по сию пору: если крушение социализма в Восточной Европе и СССР для многих означало «прощание с тем, чего никогда не было» (выражение неоднократно используется в работе И. Каспэ), то есть и другие, для которых коммунизм остается путеводной звездой и предметом ностальгии. В статье о ефремовской утопии и коммунистической идеологии мы попытались осветить некоторые аспекты этой проблемы (Ковалев 2019), используя классическую оппозицию К. Мангейма. С точки зрения автора, необходимо также защитить писателя от ряда необоснованных нападок (Он же 2015). В данной работе нас интересует уже более широкий круг вопросов, связанных с утопией и дистопией в творческом наследии И. Ефремова.

Пролог в космосе. Утопия галактических масштабов

Если советские попытки изобразить позитивное содержание «мировой коммуны», как правило, были неубедительными и схематичными, то яркие образы «Туманности Андромеды» резко контрастировали с ними. Хотя сам писатель искренне радовался переменам (например, связав сюжет своей «звездной повести» с запуском первого советского спутника и приблизив действие «Туманности» к нашему времени на тысячу лет), его роман весьма сильно контрастирует с повестями того времени и бросает явный вызов мелко-травчатой фантастике «ближнего прицела», распространенной в сталинскую эпоху. Коммунизм писатель описывает как цель, к которой стоит стремиться, но по приводимой хронологии «эр», по мнению автора коммунистической утопии, до этого «прекрасного далека» должно пройти еще очень много времени. Так много, что даже памятника Ленину (который ему предлагали вписать «доброжелатели») в будущем царстве свободы в романе Ефремова не предполагается. В этом плане «утопист» Ефремов мыслил гораздо более здраво, чем те, кто осуществлял в его время «реальную политику» и обещал создание основ коммунистического общества к 1980 г.

У огромной популярности Ефремова была в тот период еще одна, «космическая» составляющая. Это сейчас проблемы полетов в космос ушли из центра общественного внимания, а в годы расцвета ефремовского творчества были очень популярны, и фантасты изощрялись в описаниях «отроков во Вселенной» и картин «первого контакта». Сам И. Ефремов в нашей стране во многом был пионером этого направления. Для большинства советских людей был понятен и естественен энтузиазм, охвативший их в связи с космическими успехами. При этом многие будущие проблемы отечественной космонавтики были заложены уже тогда и связаны с советскими практиками управления. Уже информированные современники ясно видели многие из этих проблем. Так, например, советский научный журналист Л. Владимиров, близко знакомый с космической тематикой, оказавшись на Западе, выпустил книгу с характерным названием «Советский космический блеф» (Владимиров 1973), где показал, как советские вожди для «престижу» заставляли идти на неоправданный риск, назначали плохо подготовленные запуски к «датам», не считались ни с какими расходами и т. д. А обстановка суперсекретности и ведомственных игр не поз-

воляла использовать полученные технические прорывы и научные достижения. Эти и многие другие порочные практики советского варианта НТР становились, вопреки выдающимся научным и технологическим достижениям советской космонавтики, визитной карточкой космических программ СССР. Современный исследователь В. Гельман отмечает, что в условиях «недостойного правления» даже отдельные «истории успеха» не имеют широкого распространения и могут обернуться своей противоположностью, когда концентрация ресурсов на каком-то направлении приводит к массе провалов и усугубляет ситуацию в других областях: «По сути, вплоть до распада СССР советская космическая программа развивалась лишь по пути улучшения тех решений, которые были предложены и/или реализованы еще во времена Королева. Но главное – мультипликативные эффекты космической программы на протяжении десятилетий оказались скромными: “история успеха” СССР в космосе так и не повлекла за собой появления новых “историй успеха” в смежных областях, качественно влиявших на развитие страны. За пределами изолированного технологического “кармана эффективности”, каковым выступала космическая программа СССР, ее воздействие оказывалось незначительным и никакого “эффекта заражения” (*contagion*) в стране не отмечалось – напротив, рутины бюрократической неэффективности еще сильнее проявляли себя на фоне усугублявшегося кризиса советской экономической модели» (Гельман 2018: 8–9).

Однако полвека назад многие искренне верили и в безудержный научно-технический прогресс, и в то, что дверь в прекрасное будущее широко распахнулась; космический энтузиазм захватил очень многих. Звездолеты, давно летавшие в другие галактики на страницах зарубежных книг, стартовали и в романах И. Ефремова. Более того, полеты к звездам сопровождались у писателя контактами с иными цивилизациями, и, по его мнению, развитие цивилизации были антропоморфными и коммунистическими. Ефремовская история будущего¹ связана с так называемым Великим Кольцом, всегалактическим содружеством коммунистических миров,

¹ Напомним периодизацию истории будущего в фантастическом мире И. Ефремова: ЭРМ – Эра Разобленного Мира (современная эпоха); ЭМВ – Эра Мирового Воссоединения; ЭОТ – Эра Общего Труда; ЭВК – Эра Великого Кольца («Туманность Андромеды»); ЭВР – Эра Встретившихся Рук («Час Быка»).

куда земляне радостно устремились. (Критикам легко провести аналогию с планами коммунистической революции во всем мире и щедрой подкормкой социалистического лагеря и стран социалистической ориентации, в то время как жизненные стандарты населения СССР находились на весьма низком уровне.)

Не так прост и вопрос о причинах и целях космической экспансии. Здесь важно понимать не только милитаристскую и экспансионистскую составляющую «Космоса как предчувствия» (название популярного художественного фильма) времен холодной войны, но и довольно-таки страшную и мистическую подоплеку планов «покорения Вселенной» в их отечественном варианте. Безусловно, полеты в космос были побочным результатом развития военных технологий и ракетно-ядерной гонки вооружений между СССР и США, использовавших наработки, трофеи и специалистов нацистской Германии. Но помимо этого политика «покорения космоса» питалась (хотя для советских людей это было совсем не очевидно) философией так называемого космизма (Русский... 1993). Зачем, например, тот же К. Э. Циолковский (которого советская пропаганда поднимала на щит как отца нашей космической программы) не только проектировал дирижабли, но и занимался расчетом космических скоростей, пренебрегая порой законами термодинамики? Чудак и оригинал из Калуги (критический анализ фигуры и наследия Циолковского см., например: Салахутдинов 2000) опубликовал ряд работ, представляющих смесь фантастики, мистики и научно-популярной литературы, в которых рисовались картины того, как люди покидают пределы Земли (см., например, советские издания: Циолковский 1933; 1958; 1961). Но – зачем?! Здесь нужно вспомнить, что на Циолковского оказала огромное влияние «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова (1982), который предложил проект воскрешения мертвых. А поскольку места для них на планете не хватит, придется расселять воскрешенных в космосе². С таких

² Примечательно, что советское переиздание работ Н. Федорова пробилось через цензурные рогатки в 1980-е гг., уже незадолго до краха СССР, и федоровские тексты были опубликованы не в какой-нибудь «Библиотеке мистики и эзотерики», а в солидной серии «Философское наследие». На потребу мечтательным отечественным умам вместо обветшалого марксистско-ленинского проекта стремительно шел русский космизм, а место научного коммунизма и истмата занимала русская религиозная философия. Хотя, разумеется, в философском наследии

позиций ракеты и космодрома – это лишь техническая составляющая мистических проектов. Грезы провинциального чудака-библиотекаря, воплотившиеся в «философию общего дела», предусматривающую «воскрешение отцов», в формах интеллектуального течения русского космизма захватили и ряд сильных умов, например, Валериана Муравьева, готового обсуждать в практическом плане последствия достижения людьми бессмертия (Муравьев 1998). Но идеи К. Э. Циолковского, скорее всего, были аналогичны проектам академика Т. Лысенко, сыграв свою роль в пропаганде.

«Космос» (и планы его освоения) в общественном сознании считался в недавнем прошлом как бы символом научно-технического прогресса и безграничности человеческих возможностей (говоря словами Э. Юнгера, «парадной лошадейю технического оптимизма, охватившего ведущие умы планеты»). Но «Космос» – это не только трата неограниченных ресурсов ради сомнительных (по экономическим и социальным последствиям) проектов, что могли позволить себе великие державы, но также и темная мистика псевдорелигиозных настроений, наиболее известным примером которых является нацистское «Наследие предков». Однако и у красных проектов были и своя зловещая мистика, и то, что выглядело как скверный анекдот³. Пожалуй, эти рассекреченные детали лучше

находится место и для мистико-эзотерической традиции (Я. Бёме, Э. Сведенборг и многие другие). Сейчас имморталистские планы (продление жизни и практическое бессмертие) подняты на щит так называемым трансгуманистическим движением, поклонники идей которого производят массу текстов: научных, философских, публицистических и художественных. На наш взгляд, корректнее (пока, во всяком случае) относить эту продукцию к фантастическому жанру (см.: Ковалев 2014). Мы можем назвать и интересный фантастический роман «Плерома», где ведется этико-философский спор с федоровскими идеями «воскрешения» (Попов 2006).

³ В этом отношении самой парадоксальной является информация о трагикомическом постановлении Совмина Союза ССР с деталями награждения майора Юрия Алексеевича Гагарина за космический полет. Среди прочего предусматривалась экипировка, включавшая в себя (цитата): «Пальто демисезонное. Пальто легкое летнее. Плащ. Костюмы – 2 (светлый и темный). Обувь – 2 пары (черные и светлые). Рубашки белые – 6 штук. Шляпы – 2. Носки – 6 пар. Белье нижнее шелковое – 6 пар. Трусы, майки – 6 пар. Платки носовые – 12 штук. Галстуки – 6 шт. Перчатки – 1 пара. Электробритва – 1. Два комплекта военного обмундирования (парадное и повседневное). Чемоданы – 2. Сходная премия “мануфактурой” предусматривалась и для членов семьи Гагарина» (см.: Самоделова 2010).

всего показывают огромный дисбаланс в развитии страны, которая первой вышла в космос и где на уровне правительства решался вопрос о выдаче носков и трусов несомненному герою, русскому былинному богатырю, открывшему человечеству дорогу к звездам... Представьте себе нечто подобное в ситуации награждения американских астронавтов после успешного полета на Луну. В какой же страшной нищете прозябал СССР – государство космических первопроходцев!

Такой непосильный рывок не мог не иметь многих негативных последствий. Ведь до сих пор страна, первой запустившая на орбиту Земли спутник, живое существо (собаку), первого космонавта и первую женщину-космонавта, пользуется в основном американской системой спутниковой навигации (GPS), а еще непрерывным потоком следуют сообщения о казусах отечественных космических программ, хищениях, нищенских зарплатах в отрасли, разрушении созданного с громадными жертвами отечественного космического потенциала. Но и в мире в целом после первоначальной эйфории стало заметно сильное охлаждение к планам «покорения космического пространства»; «Космос» сейчас – это в основном орбитальные полеты; миссия на Марс реализована только в кино, и даже на Луну летать перестали. Очень похоже, что в освоении космоса человечество столкнулось с каким-то непреодолимым барьером, имеющим техническую, экономическую, биомедицинскую, психологическую и другие составляющие...

А причем же здесь, спрашивается, Иван Ефремов? Дело в том, что в романах писателя не только были великолепно отражены настроения космической эйфории, свойственной 1950–1960-м гг., но и (вольнo или невольнo) показаны трудности, опасности и противоречия совершаемого цивилизацией космического рывка для ее же собственного развития. Если в наше время космические полеты испытывают стагнацию, то и в ефремовском будущем (при внимательном и непредвзятом прочтении «Туманности Андромеды») наблюдается нечто подобное. Необходимость «освоения космоса» в СССР, да и в мире превратилась в аксиому. Причем эта аксиома действовала не только во времена реальной космической гонки между СССР и США (несмотря на очевидное неравенство эконо-

мических потенциалов!), но и для фантастических миров Ефремова полеты в космос – это что-то само собой разумеющееся. В «Туманности Андромеды» объединенное коммунистическое человечество тратит огромные ресурсы планеты и обрекает звездные экспедиции на запредельный риск, но так и не добивается непосредственного контакта с инопланетянами.

По сюжету романа Земля снарядила уже почти четыре десятка звездных экспедиций, но они приносят только отрицательные результаты. Чтобы хоть как-то обосновать огромные траты ресурсов и риск, И. Ефремов в соответствующей главе «Туманности Андромеды» о приключениях экипажа «Тантры» на планете Железной звезды описывает встречу сразу трех звездолетов. Они оказались поблизости друг от друга не просто в одном из участков Галактики, но на одном и том же плато одной и той же планеты! Это уже совершенно фантастично даже для самой фантастической литературы. В художественной литературе такой сюжетный ход оправдан только в расчете на детскую аудиторию⁴. В романе эта невероятная встреча с дисколетом из неведомых далей ничего не дает для развития сюжета ни героям, которые смогли лишь отрезать у чужака кусочек обшивки, ни читателям, следящим за этим приключением. Зато вполне убедительна символическая трактовка «Железной звезды» с экипажем, представляющим зловещих обитателей планеты мрака, убивших экипаж «Паруса», – как олицетворения сталинизма, погубившего людей, «штурмующих небо» и устремившихся к новым прекрасным мирам (Сергеев 2019: 24). Здесь необходимо вспомнить, что роман Ефремова вышел вскоре после XX съезда КПСС с пресловутым хрущевским разоблачением культа личности; и для людей, живших в то время в СССР, подобные аллюзии были вполне понятны и актуальны.

А в будущем современникам Дара Ветра и Веды Конг (персонажей «Туманности Андромеды») приходится довольствоваться лишь обменом сообщениями по Великому Кольцу опять-таки с необходимостью экономии энергии для этого в масштабах всей

⁴ Автор хорошо помнит, что этот момент из «Туманности Андромеды» был воспроизведен в советском учебнике «Природоведение» для 4-го класса советской школы.

планеты. Но из-за огромных расстояний в передачах Кольца люди видят уже давно умерших людей; поставленный для преодоления этого разрыва «Тибетский опыт» в романе заканчивается катастрофой. Тупик?

По Ефремову, полеты к звездам нужны для контактов с другими высокоразвитыми цивилизациями – это путь к достижению Эры Встретившихся Рук. Однако для героев в произведениях Ефремова эти полеты крайне опасны и мучительны. Нужны не только героические жертвы, но и новые подходы. Идея «звездолета прямого луча» (в «Часе Быка») – это явный призыв пересмотреть привычные теории и представления, так как в привычных координатах, без принципиальных изменений до Цели *никогда* не добраться, будь то другие разумные цивилизации или будущее совершенное общество для самих землян. Нужно принципиально менять подходы не только к космическим, но и к земным делам – такой сигнал практически открытым текстом идет со страниц ефремовских утопий.

В Эру Встретившихся Рук, которая описывается в «Часе Быка», полеты в другие миры стали возможны благодаря технологии «прямого луча», которая позволяла быстро передвигаться, «пронзая спираль Вселенной». Огромная опасность этих экспедиций отражала любимый образ писателя – путь по «лезвию бритвы». Но контакты с другими цивилизациями описываются Ефремовым лишь кратко, в фоновом режиме. Опять у Ефремова происходит встреча людей Будущего со своим прошлым и обращение к самым актуальным проблемам Настоящего.

После обретения новых возможностей в покорении космоса в романе «Час Быка» звездолет «Темное пламя» летит не на встречу с иной цивилизацией, пусть, по мысли писателя, и антропоморфной, а прибывает на планету Торманс, где обитают потомки землян. Но если жители Земли после цепи великих катастроф сумели создать у себя прекрасный и гармоничный мир, то другое колено *Homo sapiens*, убежавшее от земных бедствий в космос и случайно спасшееся, создало на колонизируемой ими планете подобие ада – воплощение инферно.

Однако эта проекция инферно на Торманс имеет вполне земное происхождение, поэтому есть смысл присмотреться к содержанию другого романа Ефремова: внимательно изучить детали Эры Великого Кольца как фантастической предыстории Эры Встретившихся Рук.

«Туманность Андромеды» как антиутопия? Антикоммунистическая перспектива и дискуссии блогеров

С самим коммунизмом после энтузиазма 1960-х гг. ситуация не очень проявилась – даже в коммунистической фантастике. Напротив, внимательные исследователи советской фантастики отмечали, что она попала в тупик и в ней наблюдался творческий и идейный застой. «В начале 70-х гг. закончился период расцвета советской научной фантастики», – констатирует Леонид Геллер (1985: 100).

Конечно, после творческого прорыва, совершенного Иваном Ефремовым в «Туманности Андромеды», появилась масса продолжателей и в «космическом», и в «коммунистическом» направлении. Советские фантасты (хотя и не все) считали как бы само собой разумеющимся, что в будущем (ближнем или дальнем) наступит коммунизм, хотя чаще всего старались в эту тему не углубляться, предпочитая экшн и пересказ теорий и гипотез из области физики.

Несмотря на трудность темы, по которой непримиримые идеологические противники не могут ни в чем сойтись, споры не прекращаются. И до сих пор этот вопрос некоторыми любителями с жаром дискутируется. Несмотря на опыт строительства коммунизма в нашей стране, сама эта тема остается во многом не продуманной и не ясной, а как бы «отодвинутой», забытой. «Коммуноподобные» утопии, описывающие общество равных, в принципе не могут быть надолго изжиты и исчезнуть из жизни людей, особенно в обществах, основанных на неравенстве. И коммунистический идеал, и дискуссии о нем совершенно неизбежны. По сути, отношение к той или иной утопии формируется из ответа на вопрос, хотел бы сам человек жить в таком мире (конечно, если бы это было возможно). Те, кто стоит на противоположных позициях, напротив, не могут простить И. Ефремову его коммунистического утопизма. Большую дискуссию вызвала грубая, за гранью политкорректности, реплика публициста, блогера и фантаста К. Крылова. Вот часть его ответа на заданный в Сети вопрос об отношении к Ефремову:

«– Вы обмолвились, что, прочитав в отрочестве “Туманность Андромеды”, поняли, что не хотели бы жить в мире описанного там коммунистического будущего. Почему? Что в нем было так плохо?»

– Потому что это постъядерный мир, в котором выжили, судя по всему, китайцы. Которые создали нищевродскую и стагнирующую цивилизацию... Китайский стандарт чувствуется во всем... детей держат в интернатах, без безотцовщины коммунизма не бывает. Есть специальный остров, где мамы имеют право воспитывать своих детей... Есть также “остров Забвения”, куда ссылают диссидентов... Ну и охраняет это все “организация ПНОИ – психологического надзора”. Кто бы сомневался! А ведь Ефремов не был злым или дурным человеком. Просто коммунизм не бывает хорошим. Это всегда мерзость, нищевродство и гниль, даже если его пытаются выставить с самой что ни на есть лучшей стороны...» (Крылов 2018).

Мы позволили себе привести выше пространную цитату, потому что этот произвольный ответ К. Крылова, не стесняющегося в выражениях, вызвал настоящее бурление в соответствующих сегментах Рунета. Это показывает, как данная тема до сих пор задевает многих за живое, и еще раз подтверждает актуальность романа Ефремова, который вышел в свет уже более шести десятилетий назад. (Или же диагностирует состояние отечественной жизни и мысли, неспособных обрести новые смыслы, движущихся по замкнутому кругу и бесконечно пытающихся найти ответы на одни и те же вопросы!)

Но замечание о «китайцах-нищевродах», при всей его некорректности, не лишено смысла. Другие критики, говоря о Ефремове (см., например: Переслегин 2010: 427–549), также обращают внимание на то, что в мире «Туманности Андромеды» люди очень осторожны в отношении научно-технического прогресса и весьма ограничены в технических возможностях. В научно-техническом отношении их цивилизация хрупка и уязвима, больший упор делает не на экспансию и покорение природы, экономит энергию, широко использует духовно-медитативные практики. Мир Эры Великого Кольца имеет многие черты Востока, во всяком случае, не проецирует прямо в будущее черты безграничной экспансии Запада. Видимо, это ответ на ресурсный и демографический кризис, когда экологическая проблема поставила предел безграничной экспансии капитализма в его европейском и американском изводах. В ефремовском будущем завершился некий глобальный синтез восточной

и западной культур, тенденция к чему наметилась уже давно, но сегодня, в связи с растущей мощью Китая, вызывает у многих серьезные опасения. В грядущих мирах Ефремова образовалось единое человечество, в котором расы и нации, в соответствии с заветами коммунистического интернационализма, переплавились в едином котле, и восточный элемент получил преобладание, хотя бы в силу своего численного превосходства. На наш взгляд, Ефремов здесь отрицает западный капитализм не столько «формационно», сколько «цивилизационно», как угрозу для существования самой жизни на Земле.

Далее, нам представляется, что отказ от ненужной роскоши героев романа – это не только рационализация потребностей людей коммунистического будущего, но и (вольное или невольное) отражение послевоенных советских реалий, когда люди в массе своей жили очень бедно.

Еще одним спорным моментом ефремовской утопии является его идеал общественного воспитания детей в интернатах, когда женщины, не согласные с такой практикой, отправляются на «остров матерей». На склонность писателя к общественному воспитанию детей, разумеется, повлияло его детство, фактическое сиротство при живых родителях в годы братоубийственной гражданской войны и послевоенной разрухи; в этой части биографии писателя по-прежнему имеются «белые пятна». Но указать только на личные обстоятельства зарождения тех или иных взглядов недостаточно. Отрыв детей от родителей вообще-то является чертой многих утопических проектов, и рациональные основания для этого есть. Таким образом «проектировщики» пытаются обеспечить равные стартовые условия для новых поколений, ведь коммунизм – это общество равных.

Так или иначе, но средства контроля всегда (будут) необходимы в обществе живых людей: *«Несмотря на неизбежное возрастание доброты, сострадания и нежности, от суммы пережитых миллионов лет inferнальных страданий, накопленных в генной памяти, всегда возможно появление людей с архаическим пониманием доблести, с диким стремлением к власти над людьми, возвышению себя через унижение других. Одна бешеная собака может искушать и подвергнуть смертельной опасности сотни людей. Так и человек с искривленной психологией в силах причинить в добром,*

ничего не подозревающим окружении ужасные бедствия, пока мир, давно забывший о прежних социальных опасностях, сумеет изолировать и трансформировать его» (Ефремов 1970: 112; курсив мой. – В. К.). Однако, «обличая» ефремовский идеал как воплощенную дистопию, нельзя забывать про исторический контекст, когда создавалась знаменитая коммунистическая утопия, и что, судя по всему, мир Эры Великого Кольца – это *общество выживших!* Скорее всего, судя по намекам автора о страшных испытаниях, которым подверглись люди на пути к светлому будущему (и которых еще не было в реальной истории!), сам вариант «коммунистического проекта» и стал результатом и условием такого выживания. Но ведь у тех, кто чудом спасся, отношение к окружающему совсем иное, нежели у привыкших «срывать цветы удовольствия». Если речь идет о столь незаурядном тексте, как «Туманность Андромеды», то «скромность» (и даже аскетизм) условий жизни людей Эры Великого Кольца есть реалии той эпохи 1950-х гг., когда писался роман: позади не только страшная война, но и прекращение массовых репрессий – что такое быт по сравнению с возможностью дышать! Отсюда и удивительный для последующих оценок энтузиазм и оптимизм эпохи оттепели, который напоминает пену, вздувшуюся над кружкой разбавленного жигулевского пива. Но субъективно та радость была искренней, и в будущее «строители коммунизма» стали заглядывать с оптимизмом, так как поверили, что их не обязательно убьют⁵.

Схожая «структура момента» есть и в посткоммунистический период (хотя насчет «пост-» существуют очень серьезные сомнения, как и в том, что РФ сильно отличается от СССР не только размерами). Ведь если серьезно задаться вопросом, почему «дорогие россияне» терпят то, что нормальные люди в цивилизованных странах никогда не стали бы терпеть, почему «молчаливому большинству» все – «божья роса», то среди многих важных причин наверняка есть и «синдром выжившего». Мы – потомки тех, кого убили, или не убили, но изломали жизнь.

⁵ О послевоенном периоде в СССР существует обширная литература, и в работах серьезных историков всячески подчеркиваются противоречивость и парадоксальность той же эпохи оттепели (Пыжиков 2002), с которой связан взлет популярности И. Ефремова.

Впрочем, не будем слишком увлекаться социально-психологическими реконструкциями. Достоверно можно писать только о том, что отношение Ивана Антоновича к советской действительности было весьма критическим, и эта критичность возрастала, что наглядно показал «Час Быка». Но дошел бы И. А. Ефремов до отрицания прежних идеалов, проживи он еще пару десятилетий, – это вопрос без ответа. Однако переход от утопии к дистопии в ефремовском творчестве произошел не вдруг и наверняка формировался еще в атмосфере оттепели.

Правда, инфантильное сознание множества советских и постсоветских людей не хочет помнить нашу трагическую историю, не хочет видеть ужасов и мерзостей тоталитарного и посттоталитарного режима; ему комфортнее прятаться в своих предрассудках. Собственно, вокруг этих предрассудков и шла ожесточенная дискуссия в Сети. Блогер Богемик в посте «Piagnoni, или Серп, молот и акведук» написал: *«По поводу “Туманности Андромеды” я могу добавить к сказанному Крыловым лишь одно. Описанный в этой книге мир имело бы смысл обсуждать, если бы роман был на одну страницу длиннее... Если представить форму жизни, радикально отличающуюся от нашей, можно в качестве игры ума вообразить и созданное этими существами коммунистическое общество. Но на гуманоидов коммунистические идеи принципиально не рассчитаны. Поведение, психология, мотивация, запросы героев Ефремова не имеют с нашими собственными ничего общего... Мир “Туманности Андромеды” столь же невозможен, как и мир “1984” Оруэлла. Мы слишком другие»* (Bohemicus 2019a; курсив мой. – В. К.).

Вряд ли сам Ефремов согласился бы с такими претензиями и предложениями. Его миры принципиально гуманистичны и антропоцентричны, идеи о «разумных осьминогах, ящерах и мыслящей плесени» писатель не допускал даже в принципе. Но противники коммунизма считают злоупотребления и олигархизацию всяческих «советов», описанных в «Туманности Андромеды», совершенно неизбежной; «коммунизм» (как выражался Н. Хрущев) невозможен как широкая социальная практика, а только как идеологическая фата-моргана, как прикрытие злоупотреблений власти, как наркотик, чтобы узники всепланетных ГУЛАГов не бунтовали и работали лучше «за идею». Прочитируем опять Богемика, пост «Аглицкая слобода»: «...осознав однажды, что коммунизм – это

смесь мошенничества и идиотизма, любой адекватный и дееспособный человек, родившийся и выросший в СССР, выбирал себе дорогу по своему вкусу... А в качестве идеала русским была предложена жизнь на выдвижных кроватях и работа на рудниках, которая не прекратится еще две тысячи лет» (Bohemicus 2019b).

Реакция красных блогеров, конечно же, последовала⁶ и была очень резкой и по-своему бескомпромиссной. В качестве резюме можно привести высказывание еще одного писателя-фантаста Игоря Николаева с характерным ником «ged-atomic-tank» (*sic!*). В посте «Славное и приятное зрелище антикоммунизма» он восклицает: «И Крылова, и Бохемика корежит от Ефремова и “Туманности Андромеды”. Восхитительное зрелище. Апофеоз мировосприятия, в котором дикостью представляется сама мысль, что можно иметь возможность ЖРАТЬ в три горла и при этом НЕ ЖРАТЬ» (Николаев 2019).

Конечно, это эмоциональный перехлест, но, как показал советский опыт, остается вопрос про «жрать» – кто будет это решать и как распределять? Попытка построить совершенное общество лишь на «идеалах» и «духовности» к успеху не приводит, хотя в деле выведения и селекции «нового человека» страшная «советская цивилизация» продвинулась весьма далеко. Искренние сторонники коммунистического проекта, конечно, видели эту проблему и напирали на «воспитание нового человека» и т. д.

Другое принципиальное предложение заключается в кардинальной перестройке самой человеческой природы. Как можно получить «нового человека»? Да очень просто: вживить чипы, киборгизировать и/или генетически модифицировать. Ставший сейчас очень популярным историк Юваль Ной Харари сгенерировал на эти темы интересные пред(по)ложения (Харари 2018) – люди должны перейти на новый уровень, их природа должна стать более «божественной».

Судя по всему, в мыслях И. А. Ефремова ничего подобного не было. Он разделял идею о том, что «нового человека» можно только воспитать, создавая для этого благоприятную социальную среду. Тогда мировоззрение и поведение человека будущего станут иными, чем в несовершенных, «инфернальных» социумах. Писатель

⁶ Наиболее показательный, с нашей точки зрения, ответ с коммунистических позиций см.: Anlazz 2020.

сильно раздражался, когда в фантастике о будущем персонажей наделяли чертами его современников, будь то американских гангстеров или разгильдяев из советских НИИ: «Некоторые фантасты, например, братья Стругацкие у нас, наделяют своих героев теми же чертами, которые вообще присущи человеку сегодняшнего дня... Но поступать так – значит поступать неправильно» (Ефремов 1969: 314). Не существует в ефремовском будущем и принципиальной перестройки природы человека, ничего не говорится о самостоятельном искусственном интеллекте, победившем и подчинившем человеческий разум в духе Технологической Сингулярности (Виндж 2019). В эпохи ЭВК и ЭВР действует тот же человек, природа которого не изменилась. Правда, это уже «новый человек» коммунизма, который создал для себя достойные условия жизни, уничтожил нищету и эксплуатацию; люди нового мира здоровы и счастливы, в полной мере радуются творческому труду, умеют развлекаться и любить и т. д. Но возможно ли это? «Да!» – отвечают поборники «прекрасного далека». «Нет!» – говорят скептики.

* * *

Помню, в детстве я читал фантастический рассказ, где люди радостно собирали прекрасные белые цветы и герой дарил охапку цветов любимой; счастье переполняло их. Надсмотрщики, наблюдая за этим, цинично усмехались, так как знали правду: это смертельно больные узники напоследок «приносят пользу», собирая хлопок⁷. Не так ли обстоит дело и с «мирами Ефремова»? Вот повеселятся коммунистические земляне, герои «Туманности Андромеды», на Празднике Пламенных Чаш, а потом поедут вкалывать на подводные титановые рудники, а молодежь продолжит совершать разнообразные «подвиги Геракла». А за ними смотрят через «решетчатую» систему психологического надзора, чтоб ни у кого сомнений не возникло по поводу трудовых мотиваций и господствующих идеалов. И за картинами земного рая скрываются тоталитарная диктатура и огромный концлагерь или «шарашка».

Опыт строительства «рая на Земле», который обернулся inferнальными практиками ГУЛАГа, склоняет именно к такой интерпретации любой коммунистической утопии, в том числе и ефремовской. Строители коммунизма создали немало активов: нефтепромыслов, рудников, комбинатов и т. д., которые потом бы-

⁷ Речь идет о рассказе И. Варшавского «Побег».

ли захвачены олигархами, а народ стали отвлекать от адских условий, в которых он живет, новыми мифами. В творчестве Ефремова ставится и проблема, возможно ли без посторонней помощи вырваться из состояния инферно, будь то другая планета или какое-то государство на Земле. Этому посвящен другой шедевр ефремовской фантастики – роман «Час Быка», который также продолжает восприниматься крайне неоднозначно. О каком обществе в этой антиутопии все-таки идет речь? На фантастическом Тормансе (как и на реальном Западе) нет места свободе конкуренции и другим свободам, на которые некогда претендовало буржуазное общество. У Ефремова, подчеркнем, речь идет о смеси худших черт «гангстерского империализма» и «муравьиного лжесоциализма», о тоталитаризме и олигархии. Безответственная и безумная власть, независимо от ее происхождения, оставшись без общественного контроля, просто не понимает разрушительной мощи тех сил, с которыми имеет дело. Тогда цивилизация реально буквально балансирует на краю гибели или же ее существование многим кажется хуже смерти.

К сожалению, и сегодня творчество Ивана Ефремова понимается по большей части поверхностно и односторонне, как автора научно-фантастических и историко-приключенческих романов для подростков и юношества. Возможно, злую шутку сыграли с Ефремовым эзопов язык и чрезмерная зашифрованность идей, излагаемых им в своих романах. А если за интерпретацию творчества писателя берутся политические активисты, то акцент почти всегда ставится на тех его идеях, что созвучны соответствующей идеологии, в то время как другие просто игнорируются, а произведения вырываются из контекста того времени, когда они были созданы. Таким образом, Иван Ефремов, при жизни бывший признанным, но во многом непонятым писателем, остается признанным, но непонятым писателем и мыслителем и в наши дни (Сергеев 2019: 112).

«Микроорганизмы» тоталитарно-коммунистического мировоззрения в благоприятной среде могут привести к новому ГУЛАГу, террору и беззаконию. Ведь в головах миллионов людей эти «идейные вирусы» никуда не делись. Рассматривая проблему (псевдо)религий (ту же веру в коммунизм), закономерно связываешь ее с проблемой смерти, краткости и хрупкости человеческой жизни на Земле. На наш взгляд, сложная диалектика утопии и ан-

тиутопии в романах писателя дополняется проблемой соотношения Эроса и Танатоса, которая пронизывает все художественное творчество И. Ефремова.

Иван Ефремов и сегодня остается крайне актуальным автором, и спор о нем может и должен быть продолжен.

Литература

Виндж, В. 2019. *Сингулярность*. М.: АСТ. 202 с.

Владимиров, Л. 1973. *Советский космический блеф*. Мюнхен: Possev-Verlag, V. Gorachek KG. 224 с.

Геллер, Л. 1985. *Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике*. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 444 с.

Гельман, В. Я. 2018. *Исключения и правила: «истории успеха» и «недостойное правление» в России*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 38 с.

Еремина, О. А., Смирнов, Н. Н. 2013. *Иван Ефремов*. М.: Молодая гвардия. 682 с.

Ефремов, И. А.

1969. Как создавался «Час Быка» (Из беседы Г. Савченко с И. А. Ефремовым). *Молодая гвардия* 5: 307–320.

1970. *Час Быка*. М.: Молодая гвардия. 448 с.

Каспэ, И. 2018. *В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: НЛО. 432 с.

Ковалев, В. А.

2014. *Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике*. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. 172 с.

2015. Иван Ефремов – попытка апологии. В: Ковалев, В., *Свободные темы: эссе – заметки – дневник читателя*. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина. С. 20–54.

2019. От идеологии к утопии. Коммунистический проект Ивана Ефремова. *Наследие* 1(14): 104–118.

Крылов, К. 2018. Ответ на вопрос. URL: <https://krylov.cc/prnt.php?id=19145> (дата обращения: 15.03.2020).

Муравьев, В.Н. 1998. *Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения*. М.: РОССПЭН. 319 с.

Николаев, И. (red_atomic_tank). 2019. Славное и приятное зрелище антикоммунизма. *LiveJournal* 10 февраля. URL: <https://red-atomic-tank.livejournal.com/2359890.html> (дата обращения: 14.03.2020).

- Переслегин, С.** 2010. *Возвращение к звездам*. М.: АСТ. 570 с.
- Попов, М.** 2006. *Плерома*. М.: Сомбра. 194 с.
- Пыжиков, А. В.** 2002. *Хрущевская «оттепель». 1953–1964*. М.: Олма-Пресс. 512 с.
- Русский космизм:** Антология философской мысли / сост. С. Г. Семёнова. 1993. М.: Педагогика-пресс. 365 с.
- Салахутдинов, Г. М.** 2000. *Блеск и нищета К. Э. Циолковского*. М.: АМИ. 214 с.
- Самоделова, С.** 2010. Секретная премия Юрия Гагарина. *Московский комсомолец* 11 апреля. URL: <https://www.mk.ru/social/article/2010/04/11/466015-sekretnaya-premiya-yuriya-gagarina.html> (дата обращения: 15.03.2020).
- Сергеев, С. А.** 2019. *Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX в.* Казань: КНИТУ. 128 с.
- Федоров, Н. Ф.** 1982. *Соч.* М.: Мысль. 712 с.
- Харари, Ю. Н.** 2018. *НотоDeus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад. 409 с.
- Циолковский, К. Э.**
1933. *Тяжесть исчезла: фантастический очерк*. М.; Л.: Госмашметиздат. 116 с.
1958. *Вне Земли*. Научно-фантастическая повесть. М.: Изд-во АН СССР. 144 с.
1961. *Путь к звездам: сб. науч.-фантаст. произв.* М.: Изд-во АН СССР. 354 с.
- Чаликова, В. А.**
1991. Предисловие. В: Чаликова, В. А. (сост., общ. ред.), *Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы*. М.: Прогресс. С. 3–20.
1992. *Утопия рождается из утопии. Эссе разных лет*. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 218 pp.
- Anlazz.** 2020. Иван Антонович Ефремов и «шаловливые мальчики». *LiveJournal* 20 февраля. URL: <https://anlazz.livejournal.com/355168.html> (дата обращения: 14.03.2020).
- Bohemicus**
2019a. Piagnoni, или Серп, молот и акведук. *LiveJournal* 24 февраля. URL: <https://bohemicus.livejournal.com/135628.html> (дата обращения: 14.03.2020).
2019b. Аглицкая слобода. *LiveJournal* 9 февраля. URL: <https://bohemicus.livejournal.com/134946.html> (дата обращения: 14.03.2020).